

М И Х А И Л

СААКАШВИЛИ

Пробуждение силы

УРОКИ ГРУЗИИ – ДЛЯ БУДУЩЕГО УКРАИНЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

BENDUKIDZE
FREE MARKET
CENTER

Харьков
«Фолио»
2016

Я всегда идентифицировал себя с Украиной. Я приехал сюда в семнадцать и остался здесь на семь лет. Здесь я впервые почувствовал себя независимым, начал формироваться как личность.

В Грузии нравы очень патриархальные: тебя воспитывает семья. В моем случае — прабабушка, бабушка, мама. Все они меня опекали, поэтому у меня было просто истеричное желание уехать. Не дай Бог, если бы я там учился — уходил в университет из дома и туда же возвращался после пар!

Сразу после школы я поступал в МГИМО. Там не жаловали нацменов и была страшная коррупция. Несмотря на то, что у меня была золотая медаль и я был хорошо подготовлен по всем предметам, меня не приняли.

В 1985 году я сдал экзамены в Тбилисский государственный университет, но параллельно поступил «по лимиту» на факультет международных отношений в Киевском университете им. Шевченко. В Киеве я впервые почувствовал, что сам себе хозяин.

До сих пор помню первый день занятий. В здании бывшей Первой гимназии, в аудитории на первом этаже, нам рассказывали, что за этими партами сидели до революции знаменитые киевляне — Паустовский, Булгаков, Богомолец. После пары мы вышли в парк Шевченко. В маленьком кафе меня окружили новые знакомые и я сразу забыл, что не местный. Украинцы, в отличие от россиян, умеют «усыновлять».

На первом курсе меня чуть не арестовали за антисоветскую деятельность. На нашем факультете учи-

лись в основном дети из стран третьего мира, но не только — были у нас и граждане Израиля, Швейцарии, Франции. Конечно, были и дети советских «шишек». Я был человеком «со стороны» и, как следствие, не защищенным. Факультет находился под очень плотным колпаком КГБ. Кем-то надо было им заниматься? Они занялись мной. Притом, что ничего особенного я не делал. Правда, любил отпускать всякие шуточки, таскал иностранные журналы — делал то же самое, что привык делать в Грузии.

Студенты поверили в горбачевскую перестройку. Пятый курс философского факультета подготовил манифест с требованиями перемен. Но в Киеве перестройкой еще и не пахло... Всех исключили. Секретарем комсомольской организации университета был тогда Дмитрий Табачник, первый отдел работал очень тщательно.

На меня открыли дело. Стали допрашивать моих украинских знакомых. Ни один украинец меня не предал. Мой сокурник Володя Жмак даже избил следователя, который требовал дать на меня показания. Володя был орденосцем, участником войны в Афганистане, поэтому его не смогли за это посадить, но внесли в черный список. Это было болезненно, так как ему было запрещено ездить домой к своей французской невесте Марианне.

Нужные следователю показания дали информатор КГБ из России и студент родом из Кутаиси.

Позже Наливайченко вручил мне выписку из архива (к сожалению, само дело вместе с другими было уничтожено). Там сказано: «Студент Саакашвили

Михаил Николаевич вел активную антисоветскую агитацию. С ним проведена профилактическая работа».

После первого курса меня призвали в армию. Год отслужил в погранвойсках в Чопе, год — в Борисполе. Вокруг меня было много ребят из села, я все время слышал украинскую речь и начинал лучше понимать украинский национальный характер. Перестройка набирала ход, и мы постоянно бунтовали против армейских порядков.

В 1988 году я демобилизовался и искал квартиру в Киеве. В гастрономе на углу Владимирской и Житомирской заметил, что какая-то женщина лет сорока внимательно на меня смотрит. Мы познакомились, она оказалась дочерью знаменитого художника Василия Касияна. Ее звали Лена Касиян. У них с мужем была огромная — восемь или девять комнат — квартира в этом же доме на 3-м этаже, и она пригласила меня пожить у них. Ее муж сказал мне выбрать себе любые две комнаты. У них не было детей, и они меня фактически усыновили — заботились обо мне, стирали, готовили.

Муж Лены был членом-корреспондентом Академии наук, Лена работала в музее. Они живут сейчас в Америке. Это была настоящая киевская семья, русскоязычная, но очень антисоветская. Брата ее мужа репрессировали в 1960-х годах за «украинский буржуазный национализм»

У меня было очень много друзей украинцев. Я никогда не замыкался в грузинском землячестве. Интересно, кстати, что самые националистически настроенные грузины живут в России. Причина в том, что они не могут полноценно интегрироваться в общество —

им все время напоминают, что это не их страна. А вот украинские грузины через какое-то время начинают сознавать себя украинцами. Они могут говорить с акцентом, но украинское общество всех доброжелательно принимает.

Украина сродни Америке по уровню принятия иных национальностей. Что бы ни утверждали некоторые политики, в Украине этнические различия практически не имеют значения. И в этом уникальный потенциал Украины. В мире осталось не так много «плавильных котлов». Кроме Украины это, пожалуй, только Бразилия, США и Сингапур.

[■]

После КИМО я работал в Комитете по правам человека в Грузии, стажировался в Международном институте по правам человека в Страсбурге, учился в Колумбийском университете как стипендиат Конгресса. Все это время я не переставал интересоваться тем, что происходит в Украине. Регулярно слушал передачи «Голоса Украины» на украинском языке, доносившие до меня родные флюиды. Когда была возможность, вырывался из Америки в Киев.

В Америке я поначалу постоянно находился в состоянии тяжелой депрессии. Нью-Йорк оказался для меня тяжелым городом. Ужасный ритм. Трудная учеба. Очень большой объем работы. У меня часто поднималась температура, я все время болел. Мне говорили: у тебя стресс, ты не принимаешь этого города. Весь первый семестр у меня держалась высокая температу-

[13]

ра. На каникулы я улетел домой. Летел с пересадками: Хельсинки—Киев—Тбилиси. В Хельсинки у меня вновь поднялась температура — до 40 градусов. Я был совершенно разбит. Но стоило мне приземлиться в Киеве и выйти из аэропорта, как мне стало очень хорошо и спокойно — я дома. Температура спала и больше не возвращалась.

Это была для меня прививка — родная земля излечила. После этого в Америке я чувствовал себя уже нормально. Часто бывал в Украине и после того, как в 1995 году вернулся в Грузию.

В 1998 году я познакомился с Леонидом Кучмой. Шеварднадзе тогда приезжал в Украину с официальным визитом. Я оказался за одним столом с украинским президентом. Потом Кучма принял меня отдельно. Это был демонстративный жест с его стороны. Видимо, я ему чем-то понравился. Он много времени мне уделил. Весной 2004 года он мне очень помог: поставил Грузии вертолеты, с помощью которых мы восстановили порядок в отколовшейся при Шеварднадзе Аджарии.

В 2001 года Борис Немцов организовал в Петербурге съезд правых сил. Там я впервые увидел Виктора Ющенко. Он мне очень понравился. После этого мы постоянно общались по телефону.

В ноябре 2003 года у нас произошла Революция роз. Я очень устал после всех этих бессонных ночей и напряжения и поехал отсыпаться в Киев. Взял небольшой номер в «Премьер-Паласе» и два дня спал без просыпу. Потом вышел на Крещатик. И понял, что люди меня узнают.

Сначала думал, мне это кажется. И тут слышу, какие-то «бухарики» у метро кричат мне: «Эй, Саакашвили, иди сюда, выпей рюмку с нами». Я понял, что тут сохранить инкогнито не получится. Да и власть не спускала с меня глаз. За мной установили слежку. Захожу в абсолютно пустой магазин, а там два типа читают газеты спиной ко мне. Похожая ситуация повторилась в другом месте.

Ющенко узнал от кого-то, что я приехал. У него как раз собирался совет оппозиции. Ющенко пригласил меня поучаствовать. Их интересовал наш опыт — как лучше провести выборы. Я сказал: выборы вы, конечно, проведете, но вам все равно понадобится революция.

— Ну какая революция? — говорит Ющенко. — Это — Украина, а не Грузия.

Я потом много раз слышал, что Украина — это не Грузия. Но был там один человек, которого я знал со студенческой скамьи — Порошенко. Он заинтересовался именно этими моими словами. И после собрания попросил меня рассказать, как делать революцию. Приготовил ручку и бумагу. Я начал перечислять: понадобятся палатки, рок-группы, теплая одежда, какой-то бренд надо придумать. Он это все записал.

Через два дня Ющенко и Тимошенко по какому-то поводу в очередной раз поссорились. Порошенко попросил меня выступить медиатором. Три часа я их мирил в ресторане «Да Винчи» на Большой Житомирской. Тогда я поближе познакомился с Юлей.

Когда началась Оранжевая революция, я начал жить этим событием. У меня постоянно был включен